

Протоиерей Владимир Рожков*

Записки священника

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Журнал «Вестник церковной истории» начинает публикацию дневника оренбургского священника протоиерея Владимира Рожкова, составленного им в конце 1950-х — 1-й половине 1960-х гг. Рукопись хранится в личном архиве публикатора.

Протоиерей Владимир Ильич Рожков родился в семье священника в городе Кустанае (сейчас Костанай) в Казахстане 30 января 1900 г. Духовное образование он получил в епархиальном училище в Оренбурге, затем поступил в духовную семинарию. По окончании курса в 1918 г. о. Владимир служил в Красной армии, затем работал в гражданских учреждениях. О своей трудовой деятельности он писал позднее в одном из стихотворений: «Где не работал? Мосты и дороги, / Улицы, парки, дома городов, / Карты долин, плоскогорий, отрогов, / Книги десятка печатных трудов». В годы Великой Отечественной войны, будучи на фронте, Владимир Рожков дал обет, если останется жив, стать священником. 17 августа 1952 г. Владимир был рукоположен во диакона, 15 марта 1953 г. — во пресвитера. Пастырское служение он проходил в городах Уральске и Орске: «В городе Орске служить запретили, / Чтобы не строил я скромный храм, / “Воду живую” чтоб люди не пили, / Тяжко страдая от жизненных ран».

В последние годы своего служения Церкви о. Владимир был настоятелем Никольского храма в Магнитогорске, 5 сентября 1960 г. отправлен за штат. В январе 1961 г. он писал: «Был я смелым бойцом за Христа — / Всем известны и твердость, и пыл. / Но меня удалили с поста, / Против воли зачислили в тыл. / Но в тылу, как и прежде, веду / За Христа я отчаянный

* Владимир Ильич Рожков, протоиерей.

© Макарий (Веретенников), архим., 2012.— Введение.

Архимандрит Макарий (Веретенников), Московская Духовная академия.

бой, / Презирая опасность, беду, / Не боясь расплатиться собой». Священник жил в Оренбурге со своей верной спутницей и помощницей матушкой Варварой Васильевной. Он сочинял стихи, переписывался с духовенством, с прихожанами, иногда ездил в казахский город Туркестан к своему другу протоиерею Павлу Буланову. Незадолго до кончины о. Владимир посетил Караганду, где общался с преподобноисповедником Севастианом Карагандинским († 1966 г.). Протоиерей Владимир умер в Туркестане 18 апреля 1966 г., накануне кончины прп. Севастиана, погребен на кладбище рядом с игуменом Феодосием, первым православным священнослужителем Туркестана. Краткое сообщение о кончине протоиерея Владимира было опубликовано в «Журнале Московской Патриархии»¹.

Практически все произведения о. Владимира Рожкова до сих пор остаются неизданными². Его поэтическое наследие посвящено прославлению Бога, в стихотворной форме он описывал положение верующих в Советском Союзе. Публикуемые «Записки» о. Владимира — памятник ревностного пастырского служения в годы хрущевских гонений на Церковь: «Всюду везде шел прямой я дорогой, / Совесть моя пред народом чиста. / Ныне служу и стою я пред Богом, / Скорби приемлю за имя Христа».

Архимандрит Макарий (Веретенников)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вечная память почившим! // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 10. С. 19.

² См. единственную публикацию: Рожков В., прот. Итальянский аполог XII в. // Альфа и Омега. 2008. № 1(51). С. 302.

Записки священника

Глава 1

В 1952 году мне пошел пятьдесят третий год, и я сделал последнюю, третью попытку стать священнослужителем. Летом, имея рекомендательное письмо настоятеля Никольского кафедрального собора покойного о. Константина Плясунова, я уехал в далекую Алма-Ату, чтобы там просить архиепископа Николая рукоположить меня во диакона. Я совершенно не знал ни о материальной, ни о моральной, ни о духовной стороне современного духовенства; что есть бедные и богатые приходы, хорошие и плохие священники и прихожане. Я всецело предал себя воле Божией, и потому, когда 17 августа 1952 года в Никольском кафедральном Соборе города Алма-Аты архиепископом Николаем я был рукоположен во диакона и назначен в Михайло-Архангельский собор г[орода] Уральска, я все воспринял как Божие соизволение. При последнем наставлении владыка Николай мне сказал, что в Уральск он направляет меня потому, что там настоятелем служит о. Андрей Игнатьев, прекрасно знающий церковную службу, и он быстро и хорошо научит меня служить.

После рукоположения в г[ороде] Алма-Ата я пробыл, вероятно, дней десять. Ежедневно служил, чтобы получить хотя бы маленькую практику. Но служить я мог только на подсказках. Постоянно терялся; не знал как повернуться, когда выходить из алтаря, как вести каждение, выносить св[ятое] Евангелие. Конечно, не знал и прокимнов, часто попадал в большое затруднение. Душой хотелось горячо молиться, но оказывалось, что молитва приводила к забывчивости, к рассеянности, к срывам в исполнении своих диаконских обязанностей. По спине не раз тек ручеек пота от переживаемого напряжения и расстройства.

Мне запомнилась Алма-Атинская служба на погребение Божией Матери. Собор был переполнен молящимися. Плащаница Богородицы лежала на гробнице, вокруг которой стояли подсвечники со множеством горящих свечей

и лежало целое море всевозможных цветов. Священство во главе с архиепископом Николаем читали погребальные стихи, народ стоял с зажженными свечами, а мы, диаконы, вели каждение. Я, облаченный в стихарь, стоял с кадилом в изголовье плащаницы и кадил. В голове, перебивая моление, неслись мысли о далеком, далеком. Вспоминалось детство, духовное училище, семинария, годы Гражданской войны, нэпа, пятилетки, снова война, восстановление.

После великого славословия священство подняли плащаницу Богоматери и в предшествии диаконов со свечами и кадилами, людей с иконами и хоругвиями, понесли ее вокруг храма. На множестве лиц стоявшей тысячной толпы народа виднелись слезы благоговейного умиления. Совершив круг, священство поднялось на двенадцатиступенчатую паперть и встало при входе в храм, подняв ввысь святую плащаницу. И все, кто следовал сзади, стали проходить под плащаницей Приснодевы Марии. Многие стремились прикоснуться рукой к плащанице. Мы, диаконы, стояли вблизи и вели каждение.

Вскоре я уехал в г[ород] Уральск на место служения. Это назначение уже само по себе носило характер промыслительности, ибо я начинал свой новый путь с тех мест, в которых прошло мое раннее детство. Мой отец с 1902 по 1909 г. служил священником в Предтеченской церкви г[орода] Уральска. Я был там еще ребенком, в глубине моих воспоминаний сохранились картины ухода казачьих полков на русско-японскую войну, пасхальной иллюминации при храме Воскресения Христова, купанье и рыбалки на р[еке] Чагане, поездок на Бухарскую сторону, сильнейших гроз и ливней.

В первый же день служения настоятель собора протоиерей о. Андрей Игнатьев спросил меня: «Отец Владимир, как звали Вашего отца? Не Ильей?» «Ильей». «Вы не помните меня?» «Нет... Мне, кажется, я не встречал Вас», — ответил я, глядя на высокого полного священника с седой бородой и волосами. На груди у него сверкал крест с украшениями. «Нет, Вы хорошо знаете меня. И я Вас знаю. Ведь я служил с вашим отцом, когда он был настоятелем Никольского храма в станице Нижнеозерной. Я был диаконом. Ваша матушка, Лидия Федоровна, мне даже кумой приходится. Она — крестная мать моему сыну Николаю». После этих слов я отчетливо вспомнил молодого высокого, худощавого, черноволосого диакона о. Андрея, в доме которого я часто бывал во время летних каникул. К нему приезжали погостить родственники, а я был с ними знаком и разделял с ними удовольствие сельских прогулок. «Удивительно. Никогда бы не подумал, что встречу вас, да еще диаконом», — продолжал о. Андрей, слегка покачав головой. — Вы ведь все были такие форсистые. Как приедете летом на каникулы, то только по рыбалкам, на охоту, да с барышнями погулять». Он задумчиво поглядел из окна собора на р[еку] Урал и добавил: «Чудно, чудно!.. Но, видимо, Господь Бог дает вам какой-то особый путь».

Из великого множества возможных вариантов начала моего служения в Церкви Господь Бог предопределил тот, который был самым невероятным. Я начал свое священнослужение в местах, где протекало мое детство, и под руководство того, с кем я встречался в свои юношеские годы. Я начал усердно учиться богослужению, не пропуская ни одной службы и принимая горячее

участие в совершении треб. Но на отличные оценки я не мог рассчитывать. Мне трудно давалось пение из-за поврежденной барабанной перепонки правого уха, да и память начала сдавать: я не рисковал что-либо читать наизусть. Полагал, что впереди у меня долгие годы диаконства и я постепенно все изучу и всему научусь. Я был доволен своим положением, на сердце была постоянная радость и умиление и абсолютно не помышлял о священстве, считая себя не подготовленным к нему ни с какой стороны. Правда, в первые же месяцы пребывания в среде духовенства я столкнулся с фактами канонических нарушений. Они омрачали настроение, но я успокаивал себя мыслью, что все происходящее в уральском приходе — есть явления местного порядка, результат ранее создавшихся отношений.

Я родился в семье священника, учился в духовном училище и семинарии и хорошо знал о всех отрицательных явлениях в жизни духовенства старого времени. Но я полагал, что после тех испытаний и страданий, который выпали на долю духовенства в 20–30-е годы нашего столетия, оставшиеся сделали правильную оценку с религиозной точки зрения, восприняв все происшедшее как заслуженное наказание Божие за грехи и пороки, и сейчас приходят в церковь с твердым намерением истинного нелицеприятного служения Богу и в таком духе будут воспитывать как своих сослужителей, так и членов церковных советов, двадцаток и всех прихожан...

Мне думалось, что долгие годы продьяконствую в Уральске, но верно сказано: «Человек предполагает, а Бог располагает». Через шесть месяцев, в начале Великого поста, я получил телеграмму из епархиального управления, в которой мне предлагалось сообщить о своем согласии принять священство и быть настоятелем храма на ст[анции] Уш-Тобе. Я был огорчен этим внезапным вызовом, требовавшим моего срочного ответа. Но я ежедневно с глубокой убежденностью, от чистого сердца несколько раз произносил слова молитвы Господней: «Да будет воля Твоя» и поэтому, поскорбев в душе, я ответил владыке согласием на рукоположение и на назначение. Также сообщал о скором выезде в г[ород] Алма-Ату.

Первого марта 1953 года, во второе воскресенье Великого поста, я отслужил последнюю службу в Уральском соборе. Мы, я и жена, собрали свое имущество, сделали прощальные посещения знакомых и провожаемые добрыми пожеланиями, объятиями, слезами близкой группы друзей выехали из Уральска в Оренбург. Мне хотелось побыть в нем хотя бы несколько дней перед отправлением в далекие, незнакомые места, в которых мне надлежало начать новую страницу моей жизни. Кроме того, думалось, что в Оренбурге у соборного духовенства я смогу приобрести иерейский крест, необходимый мне к моменту рукоположения. По приезде я обратился к о. Константину со своей просьбой. Он переговорил со всеми священниками. Ни у кого не нашлось нужного мне креста. Тогда, примирившись с невозможностью приобретения креста, я пошел на городскую станцию и взял железнодорожный билет до города Алма-Аты на понедельник.

В субботу был на всенощной. Выносился животворящий Крест Господень. Захотелось пойти на литургию и в воскресенье. Думалось, может быть,

последний раз; ведь впереди полная неизвестность. Перед началом службы, подходя к свещному ящику, я встретился с Марией Александровной, женой о. Константина. Она сообщила, что у них имеется для меня особо приятная новость, и я ее узнаю, если вечером, часам к девяти, приду вместе с Варварой Васильевной к ним. Я обещал быть обязательно.

По воскресеньям в соборе вечером совершалась пассива — служба, посвященная воспоминаниям о Страстях Господних. Как изумительно служилась она в те годы! Какое религиозное чувство вызывало у молящихся благоговейное служение священников, прекрасное пение правого хора под управлением покойного В. П. Косырева, проникновенные слова незабвенного нашего, также покойного отца Константина.

После пассивы мы собрались в квартире о. Константина. Сидя за столом, обменивались свежими впечатлениями о закончившемся богослужении. Ровно в девять часов раздался стук, Мария Александровна пошла открывать дверь. Я и Варвара Васильевна напряженно ожидали — кто же войдет? Через минуту в столовую вошел молодой человек, блондин, худощавый, среднего роста, одетый в военный китель без погон. После общего приветствия, по приглашению о. Константина, он также сел за стол. Отец Константин окинул всех взглядом и затем, повернувшись к молодому человеку, показал рукой на меня и сказал: «Вот тот человек, который сможет исполнить вашу просьбу». Молодой человек вынул из кармана газетный сверточек, развернув его и взял в правую руку лежавший в свертке священнический крест. Встал, наклонился ко мне, протянул свою руку с крестом со словами: «Прошу принять на память крест моего отца. Он недавно умер. Перед смертью он завещал, чтобы его священнический крест отдали тому, кто захочет быть священником. Пусть тот человек помянет его. Я не знаю, как это делается и называется. Отец знал, что я живу в городе, где есть архиерей, и смогу исполнить его завещание».

Пораженный словами, я держал в руке подаренный крест. Сколько дней потратили на поиски креста в Оренбурге и не нашли, а перед самым отъездом нужный крест находится и при столь необычных обстоятельствах! «Только не забудьте исполнить просьбу отца, — продолжал молодой человек. — Запишите его имя: Илья Казоев». «Что вы! — воскликнул я, еще более пораженный названным именем. — Я не смогу забыть. Просто невозможно. Меня зовут Владимир Ильич. Имя-то своего отца я не забуду! А, следовательно, и Вашего. А где служил Ваш отец?» «Отец служил священником в с[еле] Адашево Адашевского района Мордовской АССР». «А когда он скончался?» «Шестого февраля этого года».

Наступило всеобщее молчание. Все были подавлены необычайным стечением обстоятельств, влекущим за собой исполнение предсмертного желания неведомого нам о. Илии. Тогда Мария Александровна прервала молчание и, чувствуя, что мы ждем объяснения случившемуся, рассказала, обращаясь, главным образом, ко мне и Варваре Васильевне. «Петр Ильич, когда вошел в церковь, то сразу встретился со мной. Рассказал, что ему нужно исполнить наказ отца — отдать крест. Может быть, он и не торопился исполнить его, если бы не одно обстоятельство, заставившее его так спешно придти в храм. Как

все молодые, он также думал, что отцовские слова — обычные стариковские выдумки, а посему привез крест и положил его в стол. На днях он долго занимался, притомился и забылся как бы в полусне и вдруг видит, что в комнату входит его отец в облачении и говорит ему: «Почему же ты, сын, не исполняешь моей просьбы?» Он сразу очнулся, пораженный и напуганный видением и утром же пошел в храм, понес крест. Я ему сказала, что мы, наоборот, несколько дней ищем священнический крест для одного человека. Этого человека он сможет видеть и лично передать ему крест, если вечером, в воскресенье, придет к нам часам к девяти».

Молодой человек кивком головы подтвердил сказанное Марией Александровной. «Для нас ясно, как оценивать и воспринимать происшедшее. Все это совершается по воле Божией,— сказал я, обращаясь к Петру Ильичу.— Ваш отец был священником. А вы сами веруете в Бога?» «Я лично ничего в этом деле не понимаю, хотя мой отец и был священником. Но в Бога я верю, да и трудно мне не верить. Я имею на этот счет особые доказательства». Мы все крайне заинтересовались произнесенными словами, и я, естественно, задал ему вопрос: «Какие же вы имели доказательства?» «Вот я расскажу такой случай. Сейчас я демобилизовался, а во время войны был офицером и командовал батареей. Воевал и на нашей территории, был и за границей. Ясно, как мы, офицеры, жили. День прошел, остался жив — хорошо. Поэтому, когда представлялась возможность, не прочь были закусить и выпить... Это было на границе с Венгрией. Мы остановились в одном селении на ночлег. Устроили солдат, а сами, трое офицеров, расположились в одном доме. Попросили приготовить хороший ужин и достать вина побольше. Сели за стол. Нам прислуживала молодая женщина, понимавшая и говорившая по-русски. Выпивая, один из нас упомянул о судьбе. Тогда другой стал говорить, что никакой судьбы нет и рассказы про нее — сплошные враки. Я отмалчивался, ибо в душе в судьбу верил, но виду не показывал. «Зря не верите в судьбу,— промолвила молодая женщина, слышавшая наш разговор.— Даже есть люди, которые могут сказать, что человека ожидает». «Ну это чистые сказки»,— сказал отрицавший судьбу. «Нет, не сказки. В этом доме есть бабушка, которая может сказать каждому, что его ожидает». «Раз есть такая, давай ее сюда. Пусть она нам скажет, что нас ждет». Женщина пошла на кухню, из-за печки вывела старушку, привела в комнату, посадила на стул и сказала, что мы просим ее сказать о нашей судьбе. Старушка внимательно посмотрела на каждого и, показывая на одного, сказала, что он будет тяжело ранен, на другого — будет убит, а обращаясь ко мне, промолвила: «А этот — счастливый. Ты останешься невредим, но только на вот тебе эту вещицу, положи и носи ее в кармане, не открывай до конца войны»».

С этими словами молодой человек полез в карман кителя, вынул из него небольшой белый патрончик, слегка приплюснутый с одного конца, положил его перед собой на столе и продолжал: «Вот этот талисман она и дала мне. Дальше дела пошли так. Мы двинулись к Праге, на освобождение Чехословакии. Шли, конечно, преодолевая сопротивление, с боями. Исполнилось все, как сказала старуха. Один мой друг вскоре был тяжело ранен, другой убит,

я же дошел до Праги. Здесь мы попали в крепкий переплет, под сильный обстрел. Осколком ударило меня в грудь, но не пробило, а только сплющило вещичку, данную мне старушкой. Тогда я открыл ее, и вот что оказалось в ней». С этими словами молодой человек открыл лежавший пред ним патрончик и протянул его о. Константину. Тот внимательно осмотрел патрончик, лицо его выразило большое удивление, и передал соседу справа. Затем Варвара Васильевна передала мне для осмотра, я — Марии Александровне. Оказывается, в патрончик была вложена отлитая из свинца маленькая статуэтка Мадонны — Матери Божией. Это она приняла на себя удар осколка, чтобы сохранить того, кто должен был выполнить через восемь лет отцовское завещание — предсмертный наказ старого русского православного священника.

В понедельник ранним утром я выехал из Оренбурга. В моем чемодане лежал крест о. Илии Казоева, а на мне лежало обещание отслужить панихиду, помолиться об упокоении души усопшего раба Божия, новопреставленного священноиерея о. Илии. В четверг я прибыл в Алма-Ату. В пятницу на преждеосвященной литургии был в соборе. К службе приехал архиепископ Николай. Я подошел к нему за благословением. Благословляя, он сказал мне, что в воскресенье он рукоположит меня во священника и спросил, имею ли я священнический крест? Я ему и присутствующему при разговоре протоиерею о. Леониду Малинину подробно рассказал историю подаренного мне креста. Владыка сильно поразился, а о. Леонид, прослезившись, сказал, что покойный о. Илья сделал мудрое завещание и он сам хотел бы последовать такому примеру. Он также хотел бы, чтобы его наперсный крест подарили тому, кого Господь Бог первым удостоит после его смерти (о. Леонид болел раком) получить награду в Никольском соборе.

Пятнадцатого марта 1953 года в Никольском соборе г[орода] Алма-Ата архиепископ Николай возложил на меня крест, привезенный за тысячи километров, а 17 марта, на третий день моего священства и в сороковой день по кончине, я лично отслужил панихиду по новопреставленному о. Илье. Здесь же в г[ороде] Алма-Ата я сфотографировался с надетым на меня крестом о. Илии и карточку с соответствующей надписью послал жене и детям покойного. Сообщил им и адрес своего предстоящего служения. Владыка передумал, и помимо моих просьб я был назначен вторым священником в Никольский храм города Чимкента.

Я полностью выполнил обещание, данное Петру Ильичу. Но крест о. Илии постоянно, на службе и при требах, был на мне, он напоминал мне о неизвестном, и я стал постоянным (видимо, вечным, до последнего вздоха) молитвенником о неведомом мне священнике. Каждый раз, совершая проскомидию, я вынимал частицу за усопшего. Имя его записал в свое поминание. Служа в Чимкенте, летом я получил неожиданную посылку. Родственники о. Илии выслали мне оставшиеся служебники, требники, богослужебные книги. Они были сильно изношены, закапаны воском, порваны переплеты. Впоследствии я привел их в порядок и раздарил нуждающимся, сделав на корках надписи, призывающие молиться об упокоении иерея о. Илии.

К Св[ятой] Пасхе 1959 года я был награжден наперсным крестом. Крест о. Илии оказался свободным, и внутренний голос подсказал мне, что я должен повторить ранее сделанное, т. е. подарить этот крест рукоположаемому во священники с условием, чтобы тот отслужил по рукоположении панихиду по приснопоминаемому о. Илье. Лето 1959 года я провел в Оренбурге. Постоянно бывал в кафедральном соборе на архиерейских службах, и вскоре мне представился случай осуществить свое намерение. Петр Сычев, окончивший Саратовскую семинарию, решил принять сан священника при условии разрешения ему celibата (без женитьбы). Он обратился ко мне с просьбой — не смогу ли я подарить ему служебник или требник. К сожалению, к этому времени я все уже раздарил. Я предложил ему в подарок священнический крест. Петр Сычев согласился. Тогда я написал краткую историю даримого креста и отдал ее вместе с крестом с наказом отслужить панихиду по о. Илии. Сейчас о. Петр Сычев служит во Всехсвятском храме г[орода] Бузулука. Я знаю, что он выполнил обещание и своим старательным пастырским служением достойно продолжает дело о. Ильи. Не сомневаюсь, что носимый о. Петром крест побуждает его, как когда-то и меня, всякий раз вынимать частицу из заупокойной просфоры и тайно молиться: Господи! Прости вольные и невольные прегрешения усопшего раба Твоего о. Илии и сподоби его быти во Царствии Твоем.

Ноябрь 1961 г., г. Оренбург (22.02.1966 г.).

(Продолжение в № 1/2(29/30) за 2013 г.)